

ИРИНА СЕРЕДА

Минск

Антропология будущего в прозе В. Маканина

Стоит только попристальнее взглядеться в настоящее, будущее вдруг выступит само собою.

Н. Гоголь

В этом мире каждый человек не столько творец, сколько его предвестие.

Люди несут в себе пророчество будущего.

Р. Эмерсон

Современный русский прозаик Владимир Семенович Маканин затрагивает в своем творчестве вопросы грядущего преимущественно в антропологическом и социальном аспектах, будучи писателем-философом, “социальным антропологом”¹, творцом “из породы вестников”². В одной из повестей конца 1980-х годов прозаик так обозначил собственную модель “взаимоотношений” с будущим:

Иногда ловлю себя – вдруг случай, а вдруг изгиб судьбы... я, в сущности, уже примериваю на себя и заранее присматриваю модель одинокой жизни... Одна из хитростей, если не потаенностей, состоит как раз в том, что неизвестное наше будущее подает тем не менее нам знаки и просвечивает из своего далека нам уже сейчас, в обычные и рядовые наши минуты. Будущее не много – или, пожалуй, не столь уж многовариантно, и потому, просачиваясь в мысли и повседневность, оно не случайно фиксирует нам в повседневности тех или иных людей, оно их в нас засвечивает. Не мы провидим будущее; оно – нас. Нам как бы подсказывают. Опять и опять по небу идут облака, которые через какое-то время наши тучи. Мы их узнаем. Или не узнаем. По ровному небу на нас набегает наше будущее³.

¹ И. Б. Роднянская, *Незнакомые знакомцы*, [в:] И. Б. Роднянская, *Движение литературы*, т. 1, Москва 2006, с. 609.

² И. Роднянская, *Сюжеты тревоги. Маканин под знаком “новой жестокости”*, [в:] *Русская литература XX века в зеркале критики. Хрестоматия*, сост. С. И. Тимина, М. А. Черняк, Н. Н. Кякшто, Санкт-Петербург 2003, с. 429.

³ В. Маканин, *Один и одна*, Москва 1988, с. 138.

Данные размышления принадлежат в тексте повести писателю Игорю Петровичу, автобиографический образ которого был создан В. Маканиным ранее в романе *Портрет и вокруг* (1978) и в дальнейшем не раз появлялся в ряде других произведений (*Погоня, Один и одна, Сюжет усреднения* и др.). В ходе анализа становится очевидным, что В. Маканин создает образ своего “alter ego”⁴ и изображает пронизательного писателя, способного делать обобщения и прогнозировать ход развития событий, тем самым, как оказывается, “провидит” и собственное писательское будущее.

Очень точно о маканинском умении глядеть в настоящее и будущее высказалась И. Роднянская:

...Рациональный во всем, что касается “текстостроительства”, Маканин, однако, первоначальный импульс улавливает из воздуха, из атмосферической ситуации, сгущающейся у него в галлюцинаторно-яркую картинку, картинку-зерно. Остальное результат почти математической изобретательности; но “картинка” – то является ему сама, не спросившись. И в этом отношении умница Маканин один из самых иррациональных, почти пифических истолкователей своего времени, медиум его токов. (...) спонтанное известие, которое сюда вложено, грех не расслышать сегодня же, независимо от того, какое место займет завтра *Лаз* или *Сюжет усреднения* в литературной биографии их автора⁵.

Полагаем, что отправной точкой в исследовании В. Маканиным вопросов будущего становится роман *Предтеча* (1982). Образ главного героя, знахаря Сергея Степановича Якушкина, представляется наиболее полноценным и правдоподобным из образов юродивых в творчестве прозаика. Само название романа отсылает к истокам – образу Иоанна Предтечи; притча о старце, миссия чудесного исцелителя приближает его по характеристикам к образу Христа. Очевидно, что перед нами иронически переосмысленный образ современного “предтечи”, тип “обращенного грешника”⁶, который лишь подражает великим своей деятельностью, юродствует Христа ради. По словам Е. Кравченко, юродивый – “только тот, кто не

⁴ Е. А. Кравченко, *Художественный мир В. С. Маканина: концепции и интерпретации*, Москва 2006, с. 73.

⁵ И. Роднянская, *Сюжеты...*, с. 429.

⁶ Я. Свежий, *Житие Якушкина юродивого: о герое повести В. С. Маканина “Предтеча”*, [в:] *Художественная литература и религиозные формы сознания*, сост. Г. Г. Исаев, С. Ю. Мотыгин, Астрахань 2006, с. 221.

дорожит своим социальным положением, мнением окружающих, не включен в “обычную” жизнь “серединного” человека, может озвучить непреходящие ценности и напомнить о них людям”⁷.

С. Мотыгин отмечает, что в *Предтече* В. Маканиным “впервые в русской литературе была предпринята попытка художественного анализа “знахарства” как социального феномена”⁸. Действительно, в образе Якушкина писатель отразил одну из неформальных тенденций жизнедеятельности советского общества 1970-х – 1980-х – увеличение числа представителей нетрадиционной медицины, увлечение “квазирелигиозными” идеями, замещавшими советскую идеологию-религию.

Якушкин – бывший уголовник и пьяница, находящийся на учете шизофреник, лекарь-самоучка, обретший целительский дар после падения ему на голову бревна, по сути “душевно больной”, однако “исцеляющий “духовно” больное общество” от засасывающей в свое болото материальности, алчности и греховности⁹, спасающий таким образом людей от падения с обрыва, подобно старцу из собственной притчи. Главным в своей методике лечения Сергей Степанович считает внутреннее очищение от дурных мыслей, помыслов и действий: “А ты сочти-ка, сколько ты хапал в жизни, сколько ты других локтями отпихивал, пьянствовал сколько!”¹⁰. Именно такой подход, по его мнению, способен помочь даже, казалось бы, безнадежному онкологическому больному, от которого отказались представители официальной медицины, преодолеть смертельную болезнь. Внутренняя вера в очищение тела через исцеление души рождает в герое особую энергетическую силу, которая магнитом притягивает к нему окружающих людей, как больных, желающих вылечиться физически, так и здоровых (преимущественно представителей интеллигенции), бессознательно или сознательно испытывающих потребность духовного возрождения.

⁷ Е. А. Кравченкова, *Художественный...*, с. 76.

⁸ С. Ю. Мотыгин, *Нетрадиционные формы религиозного сознания в повести В. Маканина “Предтеча”*, [в:] *Художественная литература и религиозные формы сознания...*, с. 228.

⁹ Е. В. Куликова, “Светлое небо” и “Чернота земли”: тема бездуховности в романе В. Маканина “Предтеча”, *“Филологические науки. Вопросы теории и практики”* 2013, № 7 (25), ч. 1, с. 112.

¹⁰ В. Маканин, *Предтеча*, [в:] В. Маканин, *Повести*, Москва 1988, с. 13.

Предшественником глобальных мировоззренческих сдвигов герой не стал, о чем можно судить и по позиции В. Маканина, заявленной в предложенном варианте финала жизни персонажа (смерть). С позиции объективности, знахарь Якушкин – не святой и не пророк, как это может показаться в связи с заглавием произведения или причислением его к типу юродивого, но он персонаж “с ярко выраженной положительной программой, действующий во имя физического здравия и духовного очищения человека”¹¹, что уже выделяет его из массы и определяет особое место в общественной иерархии, а в связи с этим и в маканинской характерологии. С позиции же историко-культурной, “обтерханный и непричесанный знахарь Якушкин оказался предтечей таких событий в литературе, как распутинский *Пожар*, айтматовская *Плаха*, астафьевский *Печальный детектив* и других ярчайших событий середины 80-х годов”¹². В каком-то смысле пророческой оказалась повесть и для творческой судьбы своего создателя, ибо сам В. Маканин может быть назван предтечей своего времени подобно Е. Замятину, А. Платонову и другим литературным пророкам, которые обозначили дальнейшие антропологические перспективы.

Российские критики (Л. Аннинский, В. Бондаренко, Н. Иванова, И. Роднянская и др.) не раз подчеркивали зоркость писателя, которая подтверждается и фактами творческого предчувствия: некоторые из текстов-предостережений были написаны В. Маканиным незадолго до соотносимых с ними реальных исторических событий¹³.

В 1990-е гг. в творчестве В. Маканина возрастает количество “сюжетов тревоги” (И. Роднянская), в которых прозаик художественно исследует возможные варианты дальнейшего развития российско-

¹¹ Н. Б. Иванова, *Портреты и вокруг (Владимир Маканин)*, [в:] Н. Б. Иванова, *Точка зрения: о прозе последних лет*, Москва 1988, с. 221.

¹² Л. Аннинский, *Структура лабиринта: Владимир Маканин и литература “срединного человека”*, [в:] В. Маканин, *Избранное*, Москва 1987, с. 14.

¹³ Рассказ *Кавказский пленный* был написан 1 декабря 1994 г. накануне чеченской войны, которая началась ровно через месяц – 1 января 1995 г. Роман *Асан* был опубликован в августе 2008 г. накануне кавказского конфликта. Номер журнала “Новый мир” с рассказом *Однодневная война*, повествующем о ядерном конфликте между США и Россией, был подписан в печать за две недели до 11 сентября 2001 г., когда вспыхнула война между мусульманской и христианской цивилизациями.

го социума и человеческой цивилизации в целом, предупреждает о надвигающейся социально-антропологической катастрофе, обращаясь к ведущему литературному жанру прогностического характера – антиутопии¹⁴. Общеизвестно, что данный жанр расцветает в кризисные, переходные моменты истории человечества, на сломе времен, в эпоху межвременья.

В своих антиутопических произведениях В. Маканин духе традиции (Е. Замятина, А. Платонова, Д. Оруэлла, О. Хаксли) повествует о судьбе людей в паутине тоталитаризма, однако этим не ограничивается. В отличие от названных писателей, В. Маканин видит угрозу надвигающейся темноты (метафора, прозвучавшая в *Лазе*) не столько в безграничной всепоглощающей силе тоталитарной власти, обрекающей человека на гибель, сколько в происходящих социальных деформациях. Размышления философско-социологического характера представлены в связи с этим в повестях-эссе *Сюжет усреднения* (1992) и *Квази* (1993), где отчетливо обозначается маканинская позиция: посредственность, сознательное усреднение и добровольное омассовление – вот истоки тотального зла современности и грядущих времен. В *Сюжете усреднения* читаем:

...Может быть, не слишком прицельны (и, в сущности, предварительны) были (...) усилия наших пророков, Замятина, скажем, или Оруэлла, которые при всей своей прямолинейной прозорливости и мощи никак не успевали предположить, что и без насилия системы люди могут хотеть усредняться, растворяться, прятаться в массе – и тем быть счастливы. Замятин и Оруэлл видели в наступавшем повсюду жестком усреднении общества – обман массы¹⁵.

Также в *Сюжете усреднения* в четкой хронологической последовательности писатель выстраивает исторические виды процесса “усреднения”, представленные на государственном уровне: “революции + репрессии + эмиграции + коллективизации и лагеря”¹⁶, которые, в сущности, завершились, однако цели своей достигли на

¹⁴ В 2011 г. В. Маканин издал одноименную авторскую антологию, объединившую тексты, созданные в разные периоды творчества: повести *Сюр в Пролетарском районе*, *За чертой милосердия*, *Буква А*, *Лаз* и рассказы *Наше утро*, *Однодневная война*. См. В. Маканин, *Антиутопия*, Москва 2011.

¹⁵ В. С. Маканин, *Сюжет усреднения*, [в:] *Собрание сочинений*, т. 3, Москва 2002, с. 139.

¹⁶ Там же, с. 131.

многие десятилетия вперед, поскольку мы “по инерции продолжаем усредняться”¹⁷ уже без давления извне, по собственному желанию. Согласно концепции Х. Ортеги-и-Гассета, причина в том, что “мы живем в эпоху всеобщей нивелировки”, когда “происходит выравнивание богатств, прав, культуры, классов, полов”¹⁸. Маканинская позиция обозначена в *Повести о Старом Поселке* (1974):

Эта типичность и похожесть на других любопытна сама по себе. (...) Похожесть не только обедняет. Она ведь в общем-то и оберегает человека. Страхует его. Так сказать, в генетическом смысле. Как ни верти, в этой неуловимости, неотличимости от других, несомненно, есть что-то защитное¹⁹.

При том, что взгляд В. Маканина зачастую устремлен в будущее, взгляд этот вовсе не оптимистический (так, о неверии прозаика писала в 1990-е И. Роднянская²⁰).

Каковы же картины будущего, нарисованные прозаиком? Согласно канонам жанра антиутопии, “хорошо знакомая читателю жизненная реальность инфицируется фантастическим, невыносимым допущением или “отчуждается” с помощью гротескных приемов, гипербол, перенесения в иной хронотоп”²¹.

“Человека ловила огромная рука”²² – таким абсурдным утверждением начинается *Сюр* (повесть-коллаж *Сюр в Пролетарском районе*, 1991). Каждый персонаж вовлечен В. Маканиным в некий сюр, черным сюзом стала сама жизнь, что и подчеркивается названием произведения. Так, Колю Шуваева, молодого, ничем не примечательного, “вполне обычного”²³ человека, преследует огромная рука, словно падая на избранника с крыш многоэтажек. Концептуальные размышления звучат в тексте от лица Валеры, одного из персона-

¹⁷ Там же, с. 131.

¹⁸ Х. Ортега-и-Гассет, *Восстание масс*, (online), http://modernlib.ru/books/ortegaigasset_hose/vosstanie_mass/read_1, [доступ: 23.02.2016].

¹⁹ В. С. Маканин, *Ключарев-роман*, [в:] В. С. Маканин, *Линия судьбы и линия жизни*, Москва 2001, с. 97.

²⁰ См. И. Роднянская, *Сюжеты тревоги*, “Новый мир” 1997, № 4.

²¹ М. Ф. Апусин, *Алхимия повседневности: очерк творчества Владимира Маканина*, Москва 2010, с. 256.

²² В. Маканин, *Сюр*, [в:] В. Маканин, *Кавказский пленный*, Москва 2009, с. 105.

²³ Там же, с. 105.

жей, “человека вертикального”, который так говорит о “слесарьке”, пытаясь объяснить происходящее:

Ты как раз человек бытовой, горизонтальный (...) у тебя по горизонтали все хорошо и все получается самой собой. Ты живешь как трава. Бытовой малый. У тебя все замечательно. Но за это изволь оплатить проезд! – а значит: жди удара по вертикали... (...) Для тебя, поскольку ты отлично устроился на земле, опасность с неба, понял? Не сбоку, а сверху²⁴.

Если у Коли есть недостатки, то рука многократно хуже – она нацелена на то, чтобы раздавить человека, как мышку, и при этом не испытывает никаких чувств: всё человеческое (тем более божественное) ей чуждо. По В. Маканину, бытие безжалостно по отношению к персонажу, однако это вполне соответствует изображаемой сумасшедшей и разорванной действительности. Натуралистичная и гротескная картина гибели персонажа уверяет читателя в том, что “горизонтальный” обыватель пал жертвой роковой предначертанности и “сверхличных”²⁵ сил, справляться с которыми не в силах обычного “маленького человека”.

Объектом изображения в рассказе *Иероглиф* становится молодой интеллигент, испытывающий “галлюцинированный и одновременно близкий к документальности страх”²⁶. Причина глубоких душевных переживаний персонажа нелепа и абсурдна (спрятанная коровья нога, от которой нужно избавиться), но “воспаленное воображение”²⁷ человека рисует страшные картины разгула толпы и массовых репрессий (“отечество в опасности”²⁸), которые повлечет за собой расправа над продавцом, выбросившим мясо. Поглощенный самокопанием, измученный переживаниями и чувством “тоскливой собачьей вины”²⁹ (которое, по мысли автора, традиционно испытывала русская интеллигенция в отношении “трудовой массы”), герой рассказа становится заложником собственных чувств и, шире, жертвой социально-исторических обстоятельств

²⁴ Там же, с. 119.

²⁵ Т. Н. Маркова, *Современная проза: конструкция и смысл* (В. Маканин, Л. Петрушевская, В. Пелевин), Москва 2003, с. 107.

²⁶ В. Маканин, *Сюр...*, с. 136.

²⁷ Т. Н. Маркова, *Современная...*, с. 108.

²⁸ В. Маканин, *Сюр...*, с. 138.

²⁹ Там же, с. 141.

– нарастающего противостояния индивида толпе. Метафорически это воплощается в образе “пляшущего человечка”, напоминающего “иероглиф страха, если не иероглиф боли”³⁰. Именно таким, растерянным, одиноким, бессильным противостоять собственным социальным страхам, но пытающимся справиться с извечным чувством вины и “остановить лавину”³¹ народного недовольства видится В. Маканину представитель интеллигенции в эпоху межвременья.

Нешумных палачей и таких же покорных жертв рисует писатель в одноименном рассказе, избирая в качестве декораций политический фон. В повествовании автор максимально абстрагируется от конкретики, но при этом подчеркивает типичность и даже “нормальность” происходящего. Его персонажи лишены имен и индивидуальности, а ситуации, в которые они помещаются, рутинны и стандартны. И убитые, и убийцы – это некие условные люди, политические игрушки, социальные функции, “социальные роли”³². Оказавшись на пути влиятельного “краснолицего” человека, политически неугодные персонажи автоматически попадают в разряд жертв. В смысловом итоге и проигравшие на голосовании, и палачи оказываются жертвами социально-политической системы, которая безжалостна и к тем, и к другим. Безжалостен и В. Маканин, описывающий этот жуткий процесс как вечный круговорот: “В их работе нет конца. (Как и в работе заседающих)”³³.

Высокая степень условности характерна и для рассказа *Там была пара*. В поле зрения автора – самоубийство двадцатилетнего человека. Несмотря на упоминание об оставленной предсмертной записке, реальные причины поступка погибшего не указываются. Хрупкость человеческой жизни (особенно молодой) в переходный период символически воплощается в сцене, когда рассказчик на волне искренних переживаний об умершем ломает рукой стакан. Таким образом автор демонстрирует, что, пребывая в условиях приспособления к изменившейся жизни без опоры и поддержки, несформировавшийся человек легко ломается, оказываясь проигравшим в неравной схватке с усложнившейся, трансформировавшейся до неузнаваемости реальностью.

³⁰ Там же, с. 140.

³¹ Там же, с. 142.

³² Т. Н. Маркова, *Современная...*, с. 108.

³³ В. Маканин, *Сюр...*, с. 149.

“Страшную картинку” (И. Роднянская) из жизни приехавших строить метро лимитчиков рисует В. Маканин в рассказе *Наше утро* (1993). Главным контролирующим лицом в бараке-общежитии (мини-социуме) выступает комендант Стрекалов – воплощение авторской модели тоталитарной власти; и “Стрекалов – не аллегория, живой человек. (Он зримая наша суть. Помнит вкус лагерной власти)”³⁴, – пишет автор. В эссе *Почти религия*, расположенном до рассказа в *Квази*, толпа возглашает: “Ваше время на исходе, господа сочинители и господа мыслители, – сумерки, ночь. А вот мы, массы, только начинаем. (Если надо, мы прихватим и ваши идеи.) И весь XX век – это наше утро...”³⁵. Изображая тоталитарное “наше утро” в конце XX века, прозаик, очевидно, предвосхищает, каким будет день и чего ждать от XXI века и веков последующих, но пишет о будущем без страха, скорее с иронией (или иронией вуалирует свою боль?): “Тихая радость, что мы как-никак смертны и что, слава богу, увидим не всю новизну очередного века, – вот что венчает чувства человека, заканчивающего жизнь на естественном изломе тысячелетия”³⁶.

Авторские представления о надвигающемся господстве на земле “простой и усредненной толпы”³⁷, безликой массы, которая стремится уничтожить всякое отличное от нее существо из рода homo sapiens, находят отображение в одном из наиболее проникновенных текстов антиутопического характера – повести *Лаз* (1991), составившей позже *Ключарев-роман* (2001). И Ключарев, проникнув через лаз в мир духа, чувствует себя “онемевшим (мертвым?) на тех пустынных улицах”³⁸. Массовым людям чужды высокие слова, разговоры о литературе и необходимости морального и духовного совершенствования, поскольку “сейчас в ходу состояние индивидуума на уровне ощущений. Почти зоология”³⁹.

Главного же героя В. Маканин наделяет чертами избранничества, выделяющими его из ряда обычных людей (тем более из толпы) и приближающими не то к герою, не то к святому. Среди всех персо-

³⁴ В. Маканин, *Квази*, “Новый мир” 1993, № 7, с. 144.

³⁵ Там же, с. 135.

³⁶ Там же, с. 136.

³⁷ В. С. Маканин, *Ключарев-роман...*, с. 253.

³⁸ Там же, с. 241.

³⁹ Там же, с. 256.

нажей, живущих в разрушенном полуопустевшем городе, Ключарев единственный знает про лаз, соединяющий два мира, и пользуется им, реализуя духовные и материальные потребности. В. Маканин избирает его в качестве своеобразного “героя времени”, который, будучи носителем гуманистических ценностей, может благотворно повлиять на окружающих, указав путь духовного возрождения. Спасательным кругом для Ключарева, его родных и близких, по мысли автора, выступают слова, за которыми спускается герой, и мысли, в них воплощенные, потому что именно они дают право человеку называться человеком:

разумеется, никто из говоривших там не знает и не может сейчас ничего знать до конца, но все они (и Ключарев с ними) пытаются, и их общая попытка – их спасение. Хотя бы попытка! (...) Который век перебирают высокие слова. ... Высокие слова, без которых ему не жить. (И без которых не жить его жене. И без которых не жить Денису, ибо даже не понимающий слов человек понимает, что слова есть; и живет пониманием (...)) Мы – это слова. Даже если только проходим синюшную тенью мимо друга друга, мы успеваем их передать один другому – тем и живем.)⁴⁰

“Подступающая темнота отменяет человеческую личность”⁴¹ (полагаем, речь идет о темноте душевной и духовной); “стемнело, “но еще не ночь”⁴², а значит, надежда на утверждение ценности подлинного человека и духовное возрождение человечества (“даже приблизительность искренних слов раскроет душу (лаз в нашей душе)”⁴³) у В. Маканина все же есть. Показательны в этом плане последние строки: “по мере того, как Ключарев уходит, его фигура мало-помалу растворяется (и все же не растворяется до конца) в сумерках”⁴⁴. В финальной же части *Ключарев-романа – Стол, покрытый сукном и с графином посередине* (1993) – В. Маканин с горечью констатирует, что человека в итоге ждет расплата за его “подлинность” и уникальность. Ситуация судилища анализируется в тексте от первого лица, при этом фамилия Ключарев упоминается всего один раз, как бы между делом в воображаемом диалоге между судьями. Данный

⁴⁰ Там же, с. 223.

⁴¹ Там же, с. 261.

⁴² Там же, с. 263.

⁴³ Там же, с. 257.

⁴⁴ Там же, с. 263.

факт придает изображаемому высокую степень универсальности, а судьба героя воплощает судьбу русской интеллигенции в эпоху кризиса духовности и девальвации моральных общечеловеческих ценностей.

Люди-функции (“социально яростный”, “бывший партиец”, “молодые волки” и др.) судят Ключарева не за преступления, а за то, что живет “такой вот своей полнокровной жизнью”⁴⁵, в общем-то, вполне обычной с точки зрения законности, но все же примечательной и отличной от массы. С позиции “серединности”, массовости на материале истории жизни героя комиссия выясняет, “хороший ли” Виктор человек⁴⁶. Судьи целенаправленно и с большим удовольствием копаются в его “жизни, теплой, живой, с бляками, с заблуждениями, с ошибками”⁴⁷, чтобы породить в индивидуе чувство вины, которое приведет к самоедству и саморазрушению. Подобно людям в белых халатах, они стремятся уничтожить в человеке личность⁴⁸, – вот их главная миссия, которая в итоге выполняется и по отношению к “гражданину К.”⁴⁹. Очевидной здесь является отсылка к роману Ф. Кафки *Процесс*. Но в отличие от Йозефа К., который оказывается смирившейся жертвой, герой В. Маканина не желает поддаваться влиянию организаторов “процесса” (судилища) и подчиняться законам массы, он стойко сохраняет до конца принципиальность, порядочность, нравственность, человечность, что уже само по себе является подвигом.

Трагический финал (смерть героя) и присущая автору пессимистичность продиктованы происходящим в реальности. По В. Маканину, “прекраснодушные”⁵⁰ представители человечества сегодня оказываются невостребованными и непонятыми, более того, уничтожаются человекоподобными существами из толпы. Такова судьба многих “подлинных” людей, интеллигентных, верных своим убеждениям, но их позиция, по мнению автора, единственно правильная и достойная Человека.

⁴⁵ Там же, с. 269.

⁴⁶ Там же, с. 271.

⁴⁷ Там же, с. 286.

⁴⁸ Там же, с. 326.

⁴⁹ Там же, с. 338.

⁵⁰ А. А. Ким, *Белка*, Москва 2001, с. 79.

Абсурдность существования в кризисное время и проблема нивелирования личности становятся предметом авторских размышлений в повести *Буква "А"* (2000). Изображенный лагерь не похож на советские лагеря, однако хорошо отражает социальные процессы перестроечной и постперестроечной эпохи, натолкнувшие писателя на создание такой "страшной картинки".

Лагерный мир (страну) населяют зеки, которые, получив физическую свободу, так и остались заключенными в душе, долгое время подвергаясь прессингу тоталитарной системы. *Буква "А"* – притчевое произведение о взаимоотношениях власти и народа, переходе от тоталитаризма к либерализации, к свободе, причем, отмечается явная сложность этого перехода для людей.

Идея выбивания таинственного слова с буквой "А" (свобода?) символизирует противостояние зеків беспредельной жестокости режима, подчиняющего себе каждую минуту их жизни. Важнее то, что само слово с буквой "А" забыто зековскими жожаками. По В. Маканину, это явилось следствием повреждения их умственных (и других) способностей в условиях лагеря. М. Амусин отмечает, что у зеків "есть готовность и воля к самостоятельному действию, есть понимание его спасительности – но направление, вектор приложения сил утеряны"⁵¹. Однако процесс освобождения запущен, система жесточайшего тотального контроля и насилия рушится: "...Высвобождение шло изнутри. Неостановимо"⁵². Писатель отмечает, что внешнее освобождение не влечет за собой внутреннюю свободу, а наоборот обличает душевную бедность и обостряет недостатки. Авторское сочувствие к зекам ("мы") соединяется со скептицизмом и горечью, поскольку парадоксальным образом вразрез с обстоятельствами возрастает напряжение и в бараках, и между людьми, увеличивается количество преступлений, но В. Маканин подчеркивает, что

в убийствах не было новизны. Напротив! Только так и открывалось их прошлое. Только теперь, при первых свободах, открылось наконец, как долго они жили (и как уже прижились) во времени, когда их жизни не стоили гнutoго ржавого гвоздя⁵³.

⁵¹ М. Ф. Амусин, *Алхимия...*, с. 364-365.

⁵² В. С. Маканин, *Буква "А"*, [в:] *Собрание сочинений*, т. 4, Москва 2002, с. 286.

⁵³ Там же, с. 302.

Проблема подавления государством и социумом личностного начала преломляется в повести следующим образом: в обществе, где ущемляются человеческие права, где не соблюдаются законы и традиции общежития, там внешнее освобождение оборачивается анархией и хаосом. Это подтверждает заключительная сцена повести. И будущее мнимо освобожденных нарисовано мрачными красками:

В каком-то смысле мы уже останемся в лагере. Все мы. За колючкой. Даже когда ее снесут. А наружу вылезут только чувства. Чувствищечки, неизбежно присущие запертым и кучно живущим людям. Мстительность... Ревность... Алчность...⁵⁴.

В рассказе-антиутопии *Однодневная война* (2001) В. Маканин обращается к политической проблематике и повествует о военном конфликте между американской и российской сверхдержавами, возникшем на религиозной почве. Исход однодневной войны – мировая катастрофа: Россию отбросило в первое тысячелетие, а российские ракеты унесли миллионы жизней в США и в Европе, арестованных русского и американского президентов ждет суд. Кроме военного конфликта, повествует В. Маканин и об антропологической войне: речь идет об уничтожающем себя, агрессивном социуме, перемалывающем человека, о социуме, в котором борются старость и молодость. Ситуация в мире после “однодневной войны” ужасает: в обществе царят ненависть и равнодушие, родители бросают детей, а дети – родителей. Такая участь постигает стариков-президентов и в Америке, и в России. Отсюда вытекает одна из центральных идей произведения: отказавшийся от стариков социум нежизнеспособен. Неоднократно замечено, что В. Маканин переворачивает в своих произведениях бинарную оппозицию “молодость – старость”. Молодость, традиционно воспринимаемая как символ будущего, надежд и перемен, не вызывает у писателя доверия, поскольку люди, только вступающие в жизнь, воспринимают и усваивают псевдоценности и, как следствие, – деградируют. Свои надежды автор связывает не с молодостью, а с мудростью и зрелостью, и акцентирует внимание на том, что зачастую пожилые люди духовно превосходят молодёжь и у них есть чему поучиться, тем самым выступая за содружество поколений.

⁵⁴ Там же, с. 295.

Наиболее фантастичной, устремленной в далекое, но определенное будущее является повесть В. Маканина *Долог наш путь* (1991) (публиковавшаяся также под названиями *За чертой милосердия*, *Последний лагерь*). Полагаем, что проблема антропологии грядущего рассматривается в ней так подробно, многослойно и концептуально, одновременно с жесткостью и надеждой, как не было у В. Маканина никогда раньше. Сюжетно в произведении выделяются два временных пласта, объединенных проблематикой и системой причинно-следственных связей: современный и будущий (“сюжет о командированном”). Изображая усовершенствованное “завтра”, прозаик устремляет свой взгляд в 2200 год, где “уже сколько лет нет войн, ни больших, ни малых, народы и концерны доверяют друг другу, и гуманистические ценности восторжествовали, но осталась эта чертова секретность, связанная с внедрением технологии!”⁵⁵. Однако молодой командированный, погруженный в идеальный мир без зла и насилия (образом-символом которого становится конвейер по производству белка), в скором времени вскрывает истинную сущность нового социума и оказывается одержим стремлением просветить людей и избавить их от обмана, не желая быть сопричастным злу, пусть и тщательно замаскированному. По набору характеристик командированный примыкает к типу “подлинных людей”, авторских героев-ориентиров, способных самостоятельно мыслить, познавать окружающий мир посредством разума, чтобы в дальнейшем “на философско-культурологическом уровне “обеспечить” людям будущее, к тому же по возможности полноценное”⁵⁶. Бунтарски настроенный, охваченный идеей исправления искусственно идеализированного мира, маканинский герой все же не получает возможности вернуться домой и открыть людям правду. Однако присущие ему глубокая убежденность в собственной правоте, надежда на благоприятный исход и взгляд героя, направленный вверх, в небо, где пролетают вертолеты-спасатели, – все это утверждает оптимистические ожидания автора относительно грядущего.

⁵⁵ В. Маканин, *Долог наш путь*, [в:] В. Маканин, *Кавказский пленный*, Москва 2009, с. 5.

⁵⁶ И. С. Скоропанова, *Тип “умного человека” в произведениях А. Андреева*, [в:] *Русско-язычная литература Беларуси*, редкол. С. Я. Гончарова-Грабовская (отв. редактор), У. Ю. Верина, Минск 2010, с. 39.

Может быть, лагерь действительно последний? “Надо надеяться, всегда надо надеяться, – главное, чтобы огонь горел”⁵⁷.

SUMMARY

Anthropology of the future in V. Makanin's prose

The problem of the future, which is especially topical not only for modern literary criticism but for contemporary science in general, is examined in V. Makanin's prose of the 1980–2000s in the anthropological and social aspects. The starting point in the study of this issue is *The Forerunner* while the prose of the 1990s–2000s is dominated by the dystopian genre. In the dystopia the peculiarities of the influence of socio-historical processes on a person and possible options for the future development of Russian society are explored from a literary position. During the analysis of the facts of the writer's prophecies, including texts-warnings and futurological images in literary works, it has been revealed that V. Makanin might be called a forerunner of his time, like E. Zamyatin, A. Platonov and other writers-predictors, who outlined further anthropological perspectives.

KEYWORDS: future, hero, society, dystopia, averaging

⁵⁷ В. Маканин, *Долог...*, с. 102.